

номической конъюнктуре крестьянское хозяйство не может получить за молоко реальных ценностей по нормам довоенного времени. Администрирование в кооперативном строительстве негативно сказалось на состоянии молочного хозяйства. Крестьяне рассматривали управленческие структуры потребительской кооперации как чуждые государственные учреждения. По историко-экономическим основаниям сельское население делало выводы не пользу новой власти и стремилось возродить знакомую форму кооперации — маслодельные артели.

Комиссия Алтгубэко признала ходатайство населения всех 4-х сел Бийского уезда обоснованным и рекомендовала передать им ранее принадлежавшие маслодельные заводы со всем оборудованием. В документе отмечалось, что ввиду явно определившегося настроения крестьянства этих селений не в пользу потребобществ, к моменту приема маслозаводов бывшим пайщикам необходимо определить наиболее желательную для них кооперативную форму эксплуатации этих заводов и в случае надобности создать нужный для этого кооператив. С этим выводом не согласился представитель губсоюза А.А. Тимпко, который заявил, что оборудование маслодельный и сыроваренных заводов, находящихся в этих селениях, принадлежит членам потребительской кооперации, а не всему населению сельских обществ. Поэтому имущество заводов должно быть передано существующим в данное время в этих селах обществам потребителей. Но это отдельное мнение очень влиятельного кооперативного работника, который в дальнейшем возглавил Сибмаслосоюз, не изменило общего мнения комиссии. В 1922–1924 гг. уже отчетливо определилась ведущая тенденция в кооперативном строительстве на выделение из потребительской кооперации специализированных кооперативных систем. Она была закреплена постановлениями высших органов государственной власти и кооперативного управления. Важную роль в выборе данного варианта развития кооперации сыграла активная позиция самого сельского населения, в чьей исторической памяти отчетливо сохранился дореволюционный позитивный опыт.

И.В. ОРЛОВА

О ПРИЧИНАХ БЕЗРАБОТИЦЫ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Переход России в 1921 г. к рыночной экономике обусловил формирование рынка труда, института регулирования спроса и предложения на такой товар как рабочая сила. Дефицит на трудовые ресурсы в период «военного коммунизма» сменился в условиях нэпа появлением и сохранением безработицы. В августе 1924 г. на пленуме ЦК РКП(б) в качестве причин увеличения безработицы в стране было названо несоответствие темпов роста заработной платы и производительности труда; приток в города жителей

деревень в поисках работы; недостаток оборотных средств и ресурсов для расширения и восстановления основного капитала (*О политике заработной платы // КПСС в резолюциях. М.: Политиздат, 1970. Т. 3. С. 132*).

Для того, что бы определить причины безработицы 1920-х гг., следует проанализировать и политико-правовую основу нэпа, и его экономические особенности, и социальные факторы.

В начале 1920-х гг. изменения в социально-трудовой сфере потребовали пересмотра советского законодательства о труде, так декретом СНК от 22 ноября 1921 г. массовые трудовые повинности были заменены трудовым налогом (*СУ. 1921. № 78. Ст. 658*); вопросы о порядке привлечения к труду, найма и увольнения были урегулированы постановлением ВЦИК от 3 марта 1922 г. «О порядке найма и увольнения рабочих и служащих» (*Там же. 1922. № 39. Ст. 448*) и декретом СНК от 26 мая 1922 г. «О порядке найма и увольнения лиц с техническим или агрономическим образованием» (*Там же. 1922. № 71. Ст. 637*); с 1 января 1923 г. вступил в силу новый КЗоТ РСФСР, в котором на принципиально новых условиях регулировались трудовые отношения (*Там же. 1922. № 70. Ст. 903*).

Немаловажную роль в политике занятости населения сыграл декрет СНК от 10 ноября 1921 г. «Об оплате труда рабочих и служащих» (*Там же. 1921. № 76. Ст. 617*), особенность которого заключалась в том, что годовой фонд заработной платы исчислялся не по количеству занесенных в списки рабочих, а по смете в соответствии с производственной программой предприятия. Общий объем заработной платы теперь не зависел от списочного состава работников, а выдавался предприятию по результатам работы.

Предприятия были поставлены в такие условия, при которых излишний балласт рабочей силы снижал финансовые показатели и уменьшал заработную плату квалифицированным работникам и административному аппарату. Заработная плата напрямую стала зависеть от двух факторов: эффективности производства и количества работников. Естественно, что сложившаяся ситуация стимулировала предприятия избавляться от малоквалифицированных рабочих, женщин, молодежи, оставляя только тех, от кого реально зависел рост производительности труда.

Сокращение на предприятиях привело к росту заработной платы работников и создало иллюзии у неработающих и, особенно, сельских жителей. Такие настроения способствовали притоку рабочей силы из деревень. Так те, кто не смог определиться на селе потянулись в город, пополняя городскую армию безработных. По данным Госплана СССР, в 1923 г. число селян, вышедших на городской рынок труда в поисках работы, составило 18% от всего количества ищущих работу, в 1924 г. — 19%, в 1925/26 г. — уже 34%, в 1926/27 г. — 23%, в 1927/28 г. — 24% (*Пашин В.П., Богданов С.В. Государство и безработица в России 1900–2000 гг. Курск: КГТУ, 2004. С. 103*).

Однако кадры безработных непрерывно пополняла и подраставшая городская молодежь, не имевшая квалификации, а так же женщины.

После разрухи начала 1920-х гг. на предприятия нуждались в опытных и высококвалифицированных рабочих. Молодежь, не имевшая трудового опыта, и женское население, как правило, сплошь неграмотное и обремененное «семейным положением», не были привлекательным объектом для работодателей ни государственных, ни частных предприятий. Масштабы безработицы этих социальных групп на протяжении всего периода нэпа были угрожающим экономическим и социальным явлением.

Сложившаяся ситуация обсуждалась еще в 1921 г. на X партийном съезде. Но даже к концу рассматриваемого периода, к осени 1928 г. около 50% от общего количества не имевших работу составляли женщины и примерно 15% — подростки (*Там же*. С. 120).

Безработица коснулась не только неквалифицированных селян, женщин и подростков, но и тех, кто имел трудовые навыки и специальность. Достаточно большое количество на бирже труда составляли квалифицированные индустриальные рабочие, что было катастрофическим явлением с точки зрения модернизационного развития страны. В исследовании А.Б. Данилина говорится, что в первой половине 1920-х гг. среди безработных в Советской республике число квалифицированных рабочих доходило до $\frac{1}{4}$ всех ищущих работу (*Данилин А.Б. Нэповская Россия: «Социалистическая рационализация рынка труда» // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3). С. 106*). Так, на иркутской бирже чернорабочие составляли 21,5%, полуквалифицированные рабочие — 7,8%, а работники связи и транспорта — 4,4% (*Справочник по Иркутской губернии. Иркутск, 1925. С. 163*). Причиной безработицы этой категории населения были низкие темпы восстанавливающейся промышленности. На красноярском стекольном заводе «Памяти 13-ти борцов», самом крупном предприятии Енисейской губернии, несмотря на увеличение штата рабочих: в 1925/26 г. — 626, в 1926/27 г. — 918, в 1927/28 г. — 918, в 1928/29 г. — 868 чел. (*Архивное агентство администрации Красноярского края (АААКК). Ф. Р-319. Оп. 1. Д. 142. Л. 23*); количество получающих пособие на бирже труда неуклонно росло: в 1924/25 г. — 876, в 1925/26 г. — 764, в 1926/27 г. — 1 042, в 1927/28 г. — 1 138 чел. (*Там же*. Ф. Р-317. Оп. 1. Д. 17. Л. 29).

К концу нэпа, когда в полной мере реализовывался курс на индустриализацию, число квалифицированных безработных оставалось огромным. Так, в апреле 1929 г. по Иркутскому округу числилось 6 444 безработных, из них 3 187 человек было квалифицированными работниками, а 3 257 не имели квалификации (*Иркутская парторганизация накануне XVI съезда ВКП(б). Иркутск, 1929. С. 28*), т.е. 49,4% от числа зарегистрированных на бирже труда граждан имели и профессию, и квалификацию, но не могли найти себе работу.

Значительную часть безработных составляли сокращенные «совслужащие», число которых в различных учреждениях в годы «военного коммунизма» было чрезвычайно велико, а также демобилизованные

красноармейцы. Безработица этих групп населения также была ответной социально-экономической реакцией на изменившиеся условия существования.

Нэп — это не только новые экономические реалии, но и новые социальные условия. Говоря о безработице 1920-х гг., не стоит забывать о той части населения, которая даже в сложных ситуациях способна выживать под лозунгом: «Кому война, а кому — мать родна». При постановке на биржу труда, безработным полагались пособие по безработице, льготы на оплату коммунальных услуг, проезд в городском транспорте и пр. Были те, кого устраивал статус безработных, кто находил в этом преимущества, и откровенно паразитировал на помощи государства. Очевидно это было всем: и обывателям, и властям. Так, в циркулярном письме №13/ 202 от 12 января 1923 г., разосланном по губерниям, было высказано следующее: «Ни для кого не секрет, что среди безработных имеется солидная группа лиц (в некоторых местах до 25%), ищущих не работы, а освобождения от налогов (*Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 36. Л. 30об*). Отсутствовало у населения желания устраиваться посредством бирж на поденные работы (уборка улиц, расчистка канав), так как эти заработки носили случайный характер, а пособия делали жизнь стабильнее.

Таким образом, наличие массовой безработицы в условиях «строительства социализма» при его полной занятости стало противоречивым явлением с точки зрения идеологии. Среди причин возникновения безработицы и ее воспроизводства следует выделить экономическую заинтересованность руководителей предприятий в сокращении кадров; постоянный рост городского населения при отстающих темпах создания рабочих мест из-за недостаточных темпов роста промышленного производства; низкая грамотность и квалификация населения, что ограничивало распределение труда; и, как ни странно, социальные меры, при которых населению был выгоден статус безработного.

Т.А. ПРИВАЛОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

С конца 1950-х гг. ситуация в народном хозяйстве СССР обострилась, темпы роста резко замедлились, стало остро ощущаться нехватка продовольствия. Данная ситуация привела к тому, что правоохранительными и партийными органами была усилена борьба с экономическими преступлениями в стране, в том числе и в Иркутской области.

В июле 1961 г. бюро Иркутского обкома КПСС рассматривало вопрос «Об усилении борьбы с растратами, хищениями и бесхозяйственностью